

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАТЬЯНА
БЭК

РАЗВОД В 45

Обретаю себя

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Татьяна Бэк

Развод в 45. Обретая себя

<https://litres.ru/73513184>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Васенька, а ты точно ничего не попутал? Например, берега?
— интересуюсь ласково у мужа, который сжимает в объятиях молоденькую размалёванную пигалицу, годящуюся ему в дочери.

— Какого чёрта ты припёрлась? Ты же должна быть на работе?
— рывкает супруг, словно я ещё в чём-то виновата.

— Ну, вообще-то, на меня напали прямо в суде и взяли в заложники. Надеюсь, что найду дома утешение. Но ты уже утешаешь эту юную прелестницу. У неё что случилось? Молочный зуб выпал? Двойку по физкультуре влепили?

— Мне уже двадцать! — пищит пигалица. — Вы просто завидуете моей молодости и свежести!

— Свежести? Судя по вашему вульгарному внешнему виду, вы уже товаром с душком! А теперь пошли вон из моего дома! Оба!
Вася ухмыляется недобро.

— Лен, ты же судья, так что знаешь, это наш общий дом. И я никуда уходить не собираюсь!

Муж предал, на работе чуть не убили, вокруг хаос и непроглядная тьма. Но в мою жизнь возвращается он, тот, кого любила всем сердцем. Правда ли, что первая любовь не ржавеет?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	51
Глава 13	56
Г	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Развод в 45. Обретая себя

Глава

Глава 1

– Вася, ты меня слышишь? – уже в третий раз обращаюсь к мужу, который сосредоточенно и увлечённо пялится в экран телефона и даже улыбается порой.

Я уж думала, что эта мимическая активность для него стала недоступна, по крайней мере, мне супруг не улыбался уже давно.

Вася поднимает на меня удивлённый и чуть раздражённый взгляд, словно не ожидая, что я здесь. Ну да, милый, уж извини, но я здесь живу, хотя ты, кажется, об этом уже забыл.

Внимательно рассматриваю супруга, стараясь абстрагироваться. А он всё ещё хорош: молоджавое привлекательное лицо с небольшой сеточкой морщин вокруг глаз, тёмные волосы, выкрашенные в лучшей парикмахерской города, чтобы скрыть седину. Да, конечно, он чуть располнел и лишился того тела, которое было в молодости, ну так и нам не по двадцать давно.

Холодный отсутствующий взгляд мужа безразлично мажет по мне и вновь возвращается в вожаделенный экран телефона. Ему там что ли мёдом намазано?

– Чего ты говоришь? Извини, я отвлёкся. Тут по последнему контракту вопросы возникли! – поясняет Вася, отправляя в рот очередное печенье.

– Я спрашивала, сможешь ли ты забрать меня после работы? Моя машина в сервисе, а после сегодняшнего заседания я физически не вытяну в такси с незнакомым водителем!

Супруг кривится. Наверное, ему кажется, что это капризы избалованной женщины. Но я редко прошу его о подобном. Сегодняшний день я и впрямь надеюсь просто пережить, дотянуть до вечера. Можно было бы поставить время на ускоренную перемотку, непременно воспользовалась бы этой функцией.

– Лен, я не понимаю, нахрена ты себе берёшь такие сложные дела? Ты же председатель суда, должна вообще сидеть в кабинете и в потолок плевать. Но тебе же больше всех надо! – недовольно отчитывает меня супруг.

Возможно, он прав, но я не привыкла сбрасывать ответственность и тяжёлую ношу на чужие плечи, да и не была уверена, что кто-то отважится рассматривать это дело объективно, слишком уж серьёзные люди обвиняются в серьёзных преступлениях. Мне уже трижды угрожали, четыре раза пытались подкупить за время этого процесса. Другой бы на моём месте передал дело, но не могла же я подставить своих подчинённых!

– Давай не будем начинать! Я обещаю, что сегодня вынесу приговор, а затем отправимся в отпуск, как мы с тобой и хотели. Представь, целых десять дней на берегу моря. Только ты, я, пальмы и крики чаек! – произношу мечтательно.

Даже не верится, что через несколько дней окажусь вда-

леке от всей этой суеты и нервнотрёпки. Нам с Васей нужно побыть наедине, отвлечься от всей этой рутины и дня сурка, в котором у обоих лишь работа, работа и снова работа.

– Слушай, я хотел тебе сказать, у меня не получится поехать в отпуск! Дел вагон! Сгоняй одна. Отдохнёшь, расслабишься! – огорошивает меня супруг.

Сердце невольно сжимается и почти перестаёт биться, трепыхаясь слабо и обречённо. Я в своих мечтах нарисовала столько красочных картинок, как мы с Васей проводим время вместе, возрождаем наши слегка присыпанные пеплом чувства, словно раздумаем угли, из которых вновь должно вспыхнуть яркое пламя. Но сейчас буквально слышу звон осколков этих радужных образов, которыми согревала себя последние недели.

Внутри всё разом леденеет, мир становится серым, словно кто-то выкрутил копку яркости, кофе становится нестерпимо горьким, хотя ещё предыдущий глоток казался нормальным.

– Но мы же договаривались... – произношу тихо, сама понимая, как жалко выглядит этот аргумент.

Хочется разрыдаться, горько, от души, метнуть чашку о стену, встряхнуть мужа, чтобы он наконец посмотрел на меня и объяснил происходящее, глядя в глаза. Но вместо этого гордо вскидываю подбородок и сжимаю руки в кулаки так, что костяшки белеют. Мне нельзя плакать, – на ресницах тушь, да и кричать или выяснять отношения нет времени,

пора выезжать на работу.

– Не расстраивайся, малыш... – мягче произносит муж, поднимая на меня взгляд и видя моё побледневшее лицо. – Ещё съездим куда-нибудь, дай только с делами разобраться. Вечером заберу тебя с работы. И не переживай из-за своего процесса, ты – настоящий профессионал!

На секунду в голосе мужа слышится та забота и поддержка, которая была раньше. Улыбка сама собой робко расцветает на моих губах, а сердце начинает биться, оттаяв, но в следующую секунду Васе приходит очередное сообщение, и он забывает о моём существовании. Привычная серость и горечь вползают в мой мир, став уже неотъемлемой частью.

Глава 2

– Елена Петровна! – заламывая руки бросается ко мне секретарь заседания Верочка.

Её седые химические кудри мелко трясутся, а глаза пылают праведным негодованием.

– Здравствуйте, Вера! – произношу холодно, стараясь не выдать своего раздражения.

После утреннего разговора с мужем на сердце скребут кошки, а настроение ниже плинтуса, но стараюсь не выплёскивать это на ни в чём не повинную женщину.

– Вы представляете, в суд нагнали ОМОН, чтобы заседание наше охранять. Эти головорезы в масках по всему зданию шляются. А один за мной в туалете подглядывал, хоть и сказал, что осматривает помещение на предмет запрещённых взрывоопасных предметов. Извращенец!

Изо всех сил стараюсь сдержать улыбку, чтобы не обидеть секретаршу. Что-то сомневаюсь я, что кто-то и впрямь подглядывал за моей экспрессивной помощницей, которая через год должна уже выйти на пенсию. Кажется, кто-то выдаёт желаемое за действительное.

– Это не головорезы, а люди, которые будут нас защищать, если, не приведи бог, если что-то случится! Лучше скажите, всё ли у нас готово к оглашению вердикта? Присяжные все

на месте? – интересуюсь, ощущая, как в области сердца сворачивается холодная скользкая змея, стягивающая его кольцами.

Когда закончится судебный процесс, схожу к кардиологу, займусь здоровьем. Это дело выпило из меня все соки и добило последнюю нервную клетку. Зато теперь не нервничаю, ибо нечем. Горько усмехаюсь своим мыслям и принимаюсь за рутинную работу, которая позволяет хоть немного переключить мысли. Мне удаётся почти избавиться и от спрута, обвившего сердце, и от дурного предчувствия, и от осадка после утреннего разговора с мужем. Не избавиться, но отодвинуть на время, спрятать в тёмный уголок, где они терпеливо будут ждать своего часа, чтобы вновь явиться на свет и начать меня терзать.

Кидаю взгляд на часы и замираю, как олень в свете фар, невозможно заставить себя пошевелиться, хотя хочется бежать, – осталось всего полчаса до заседания, в которое отчаянно не хочу идти. Я уже не наивная, чистая девочка, а председатель суда, успела многое повидать на своём веку, но те нелюди, в отношении которых мне предстоит вынести приговор, пугают до дрожи в коленях.

– Верочка, я выйду покурить! Отнесите пока материалы в зал заседаний и узнайте у конвоя, привезли уже подсудимых из СИЗО! – заявляю внешне спокойно секретарю, надеясь, что она не увидит, как дрожат мои руки.

По коридорам мчу на всех парах, отбивая каблучками

дробь и стараясь не слишком задерживаться с коллегами, попадающимися на пути. Хотя они предусмотрительно ко мне не лезут, знают, что мне предстоит, поэтому лишь вежливо здороваются, да смотрят с пониманием.

Наконец,рываюсь в курилку во внутреннем дворе, где ни души, – хвала богам и пропаганде здорового образа жизни. Глубокий вдох, медленный выдох, попытка унять дрожь в конечностях. Подношу зажигалку и чиркаю ей несколько раз подряд, но даже верная зажигалка отказывается служить. Хочется зашвырнуть дорогую подарочную вещь в кусты и поорать, желательно матом, но вдруг передо мной появляется небольшой огонёк, прикрываемый сильной и удивительно красивой мужской ладонью.

Поворачиваюсь, чтобы поблагодарить спасителя, и впиваюсь ногтями в руки, надеясь, что моё лицо не выдаст эмоций, которые ударяют, словно таран в ворота обороняющейся крепости. Мои бастиона от подобного напора чувств готовы вот-вот рухнуть, но стараюсь взять себя в руки и улыбаюсь, хоть чувствую, что левый уголок рта подрагивает в чёртовом демаскирующем нервном тике.

– Здравствуй, Алексей! – произношу вежливо, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Какими судьбами здесь?

Но почему, этот мужчина, которого любила когда-то всем сердцем, появился в моей жизни вновь, да ещё и в такой неподходящий момент.

Он улыбается в ответ, а у меня мир взрывается фейервер-

ками от этой улыбки. Нет! Больше никаких фейерверков, бабочек в голове и влаги между ног! Всё это давно отгорело и прошло, оставшись в другой жизни!

Глава 3

Меня накрывает волной воспоминаний, тёплых, ярких, чистых, пронизанных счастьем и лёгкостью. Может, с годами всё действительно видится через розовые очки, но я точно знаю, что тогда, с Лёшей, была другой... Я была живой.

– Куришь? – вместо приветствия неодобрительно спрашивает бывший возлюбленный, словно это именно то, о чём можно говорить после стольких лет разлуки.

Хочется спрятать сигарету за спину, но зло себя одёргиваю. Почему меня должно волновать мнение чужого для меня мужчины? Глубоко затягиваюсь и выпускаю клубы дыма почти ему в лицо, прячась в этом густом тумане, ведь ещё не пришла в себя от волнения. Когда дым рассеивается, я уже на аркане притащила самообладание и теперь включаю его на полную.

– Ты прекрасно выглядишь, Лиса! – произносит Алексей, рассматривая меня голодным взглядом, который физически ощущаю всем телом.

Кожа тут же покрывается мурашками, а сердце предательски громко стучит в груди так, что, наверное, всем вокруг слышно.

– Теперь я не Лиса, а Елена Петровна Бурова, председатель суда! – поправляю мужчину, раздражаясь от того, как старое прозвище поднимает в моей душе тёплую волну и вы-

таскивает на поверхность воспоминания, которые похоронила в самом дальнем шкафу сознания, а ключ выкинула.

– Бурова? – переспрашивает он с удивлением.

– Фамилия моего мужа! Или ты думал, что я останусь старой девой? – желчно проговариваю свою обиду и злость, которые поднимаются из самой глубины.

Теперь уже очередь бывшего прятаться за сизым дымом, но даже сквозь клубы вижу, как вспыхивают его яркие голубые глаза.

– Я всегда желал тебе счастья, Лиса. Даже после того, как ушла от меня. Я же понимал, что тебе была нужна другая жизнь, не та, которую мог тебе дать...

Мы молчим каждый о своём. Те раны, что залечивали, заклеивали пластырями, мазали зелёной и алкоголем, сейчас вновь обнажаются и кровоточат. Чёрт, как не вовремя, у меня же заседание через пятнадцать минут, а я расклеилась, растеклась лужицей, глядя на того, кто забрал моё сердце... да так и не вернул.

– Лен, а я здесь по твою душу! Ты же ведёшь процесс по делу банды Воробья? Ну вот моих ребят вызвали на усиление. А то от ваших приставов толку мало, видел я этих увальней.

Так вот как Алексей оказался здесь. Ну хотя бы одним вопросом становится меньше.

– Значит, ты возглавляешь теперь отряд особого назначения? Ну тогда я спокойна. Ты же говорил, что всегда меня

защитишь!

Я уже захлёбываюсь от собственного яда и желчи, но не могу остановиться, веду себя словно обиженная стерва-истеричка, хотя никогда таковой не являлась. Всё, Лена, уймись, всё это было, но прошло и быльём поросло. Пора сворачивать этот разговор, ведь становлюсь сама себе противна.

– Мне пора, скоро заседание начнётся. Ты лично будешь присутствовать или доверишь своим молодцам? – интересуюсь, надеясь, что Лёша не войдёт в зал, ведь иначе весь процесс буду словно на иголках.

– Иди, негоже судье задерживаться. Я буду контролировать периметр!

Сминаю сигарету о край урны, вкладывая в это движение все те деструктивные эмоции, что шкалят внутри, требуют выхода. Становится чуть легче. Но это не точно!

«Ещё один взгляд, последний!» – обещаю сама себе и тут же жалею об опрометчивом поступке.

Вновь тону в глазах мужчины, погружаюсь в их бездонную глубину, скольжу по ямочке на подбородке, по волевым скулам, по волосам, в которые любила запускать пальца. Алексей почти не изменился... Хотя вру, он стал ещё привлекательнее: седина на висках только добавляет импозантности, а глаза выдают немалый жизненный опыт.

Мне бы сдвинуться с места, но ноги словно приросли к земле. Ощущение, что мои алые лодочки на шпильке весят несколько тонн.

Бывший вдруг подходит ближе, и мне становится тяжело дышать от того, как искрит сейчас между нами, ещё немного, – вспыхнет пламя, которое спалит обоих к чертям.

– Лиса, скажи мне честно, ты счастлива? – спрашивает он, буквально вытягивая душу своим гипнотическим взглядом.

– Да! – произношу громко, стараясь вложить в это короткое слово всю уверенность, которой, к сожалению, у меня нет.

Это ложь, но она во спасение... Во спасение нас обоих.

Глава 4

– Встать, суд идёт! – грозно произносит Верочка, потрясая седыми буклями.

Вхожу в зал, стараясь не бледнеть, краснеть или зеленеть, – спасибо тональному крему и пудре, делающим моё лицо бесстрастной маской идеально ровного цвета. Вроде всё идёт по накатанной: вот седовласый почти древний прокурор района, явившийся лично поддерживать обвинение; тут присяжные, посматривающие на меня как-то странно, – надеюсь, что им опять не угрожали; а это прожжённые адвокаты, осуществляющие защиту этих нелюдей, подсудимых.

С радостью выхватываю среди них лицо Алины, – единственный представитель защиты, которому доверяю, даже на свадьбе её гуляла. Лицо у женщины подозрительно бледное и суровое, неодобрительно косится в сторону клетки, в которой находятся подсудимые.

Перевожу взгляд на них и невольно начинаю считать до десяти, – эти утырки сидят и не желают вставать, хотя знают регламент заседания. Ладно, хотят поиграть, я не против, мне торопиться особо некуда, до восемнадцати ноль-ноль, я абсолютно свободна.

Подхожу к своему месту и кидаю взгляд на зал и его посетителей. Все, словно по струнке, кроме подсудимых в клетке. Даже подзащитный Алины, молоденький парнишка, ра-

ботавший извозчиком у этих бандитов, вытянулся и расправил плечи, – он единственный из подсудимых, кого отпустила под подписку о невыезде.

– Вера, напомните регламент заседания! – произношу я спокойно, хотя внутри всё замирает.

Впервые сталкиваюсь с подобным поведением в моём процессе. Даже не слишком понимаю, что делать. Эти звери в клетке явно хотят спровоцировать, задумали что-то, но не позволю перехватить власть в этом помещении.

– Встаньте, уёбки! – орёт ОМОНовец в маске, подходя к клетке и занося дубинку.

Бандиты ты лишь ухмыляются, словно этого и ждали. Ощущение такое, что всё выходит из-под моего контроля, а я ненавижу это. За годы работы в суде и не слишком удачно-го замужества привыкла сама всё решать.

– За неуважение к суду – штраф подсудимым Снегирёву, Архадзе и Яковлеву. А ещё сотруднику Отряда особого назначения! Я не потерплю нецензурных слов в моём процессе! – сообщаю ровно, хотя голос так и хочет сорваться.

Принципиально остаюсь стоять, – ведь никто не имеет права сесть раньше судьи. Верочка ухмыляется и приваливается к стене, прокурор упирается в стол, устраиваясь поудобнее, понимая мой манёвр. Адвокаты смотрят на меня недоумённо.

– Порядок судебного делопроизводства позволяет ряд исключений! Те, у кого имеется инвалидность, документально

подтверждённая, а ещё и лица пенсионного возраста, – могут сесть!

Улыбаюсь ехидно, Верочка, прокурор и значительная часть присяжных шлёпаются на свои места, а остальным придётся потерпеть.

– А вам, уважаемые подсудимые, штрафа мало? – интересуюсь почтинежно, но уроды ухмыляются, зубоскалят. – Ладно, мне торопиться некуда!

Прижимаюсь спиной к стене и достаю пилочку для ногтей. До конца рабочего дня ещё дохрена времени, можно даже послать кого-нибудь за маслом для кутикулы, дома же всё равно нет времени поправить маникюр.

– Ваша честь, вашу мать! – начинает воодушевлённо оштрафованный мной ОМОНовец. – Мы их сейчас дубинками разом поднимем.

– И снова штраф в этот сектор! – усмехаюсь я, пародируя ведущего Что, Где, Когда. – Вызовите сюда своего начальника, пусть хоть он повлияет на происходящее!

Алексей врывается в помещение, неудержимой молнией, не знающей препятствий, словно ожидал этого момента прямо под дверью, по пути отдаёт отеческого леща своему оштрафованному подчинённому. Самое удивительное, что с его приходом вновь верю в свои силы и перестаю бояться тех, кто сидит в клетке. Лёша обещал меня защитить, а ему невозможно не верить!

Вдруг один из подсудимых начинает биться в конвульси-

ях, пуская ртом пену. Вот только этого мне не хватало!

– Вызовите скорую! – ору я. – Осталось, чтобы в моём процессе подсудимый отъехал, – вот уж точно будет просто-ра для перемывания костей нашей судебной системе.

Врачи врываются в кабинет ещё до того, как их вызвали. Зажимаю пилочку для ногтей словно нож, доверяя своим инстинктам, которые орут, – что-то не так!

Глава 5

Я всегда любила остросюжетные детективные истории, хотя многие считают их недолитературой для домохозяек. Пусть так, но на моих полках романы Устиновой и Донцовой отлично соседствуют с книгами классиков. Частенько примеряла на себя образ героинь, фантазировала, как бы себя повела, корила девушек, попавших в переплёт за истеричность и непредусмотрительность, но теперь сама оказалась на их месте.

– Откройте клетку, мне нужно осмотреть пациента! – приказным тоном заявляет здоровяк в белом халате.

Молоденький пристав тут же кидается к дверце и вставляет ключ. Мне хочется остановить его, закричать, что здесь что-то не так, но чувствую себя ледяной фигурой. Язык прилипает к нёбу, отказывается повиноваться, ноги приросли к полу. Краем глаза замечаю быстрое движение Алексея, – кажется, он единственный, кто не потерял присутствия духа и контроля ситуации.

Смотрю на бывшего возлюбленного и словно заряжаюсь его силой, уверенностью и спокойствием. По крайней мере, я уже в состоянии пошевелиться, чем тут же пользуюсь и бросаюсь к центру зала. Честно говоря, и сама не знаю, что собираюсь делать, – медицинских познаний у меня нет и помочь ничем не смогу, загородить грудью клетку от странных

врачей тоже вряд ли сумею. Но инстинкт и интуиция подсказывают, что необходимо предпринять хоть что-то.

– Стойте! – кричу я, когда ключ проворачивается в замке с тревожным лязгом. – Без моего разрешения никто не войдёт в клетку и не выйдет!

Кажется, мой окрик действует, по крайней мере, пристав замирает, а дверца остаётся запёртой.

– Дамочка, вы не видите, здесь человеку плохо! – зло шипит здоровяк в белом халате.

– Я не дамочка, а судья. А вот вы кто такие и почему приехали так быстро? Покажите свои документы! – интересуюсь настороженно.

Алексей делает ещё шаг в мою сторону, явно считывая пожирающую меня тревогу. Он всегда чувствовал мои изменения в настроении, зачастую даже раньше меня самой.

Мужики в халатах переглядываются, словно обмениваясь невербальными посланиями. Воздух в зале вдруг становится тяжёлым и липким, как кисель, кажется, и вдохнуть невозможно. Каким-то седьмым чувством или просто-напросто жопой ощущаю, что сейчас произойдёт что-то...

Словно подтверждая мои опасения, один из «врачей» вдруг дёргает меня к себе с такой силой, что едва не падаю. Меня обдаёт тошнотворным запахом дешёвого парфюма, перегара и ядрёного мужского пота. Этот «аромат Франции» перебивает даже страх, который должна бы испытать, но вместо этого борюсь с дурнотой.

– Всем стоять! – орёт здоровяк, прижимая меня спиной к себе и обхватывая огромной ручищей за шею. – Двинетесь с места, сверну башку этой судейской шлюхе.

А вот это обидно! При условии, что у меня не было после свадьбы никого, кроме мужа, да и с тем интим случался раз в год по обещанию. Удивительно, но страх так и не появился, зато бредовые мысли лезли в голову одна за одной, играя в чехарду.

Вокруг царил хаос, но я видела лишь Лёшу, застывшего на месте с непроницаемым лицом, словно он был на приёме у английской королевы, а не в эпицентре нападения на сотрудника судебной системы. Но в его глазах пылало знакомое мне пламя.

– Дверь клетки открывайте! – заревел второй врач.

– Ребят, а на что вы надеетесь? – вдруг поинтересовался Алексей с ухмылкой. – В здании табун ОМОНа, вы что, надеетесь, что сможете просто так забрать своих корешей и уйти? Ну так себе у вас план!

– Ты нам зубы не заговаривай! План охеренный! Мы из суда выйдем с этой красоткой. Думаю, ей придётся прокатиться с нами, но ей и самой понравится! – заржал мордоворот, прижимая меня к себе плотней и хватая лапищей за грудь, сдавливая её с силой. – Никогда ещё не трахал судья, да ещё и такую сладкую.

А вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Впервые почувствовала, каково это, – дрожь в коленях. Ноги просто

отказывались меня держать, голова пульсировала, словно готовясь взорваться, а картинка перед глазами утратила чёткость, становясь размытой и тусклой. Глубинный крик, наполненный настоящим ужасом, вырвался из груди, покатился по всему телу, набирая силу и резонируя. Кричала я самозабвенно и отчаянно, выплёскивая страх, сжиравший внутренности. Замолчать не сумела бы, даже если от этого зависела моя жизнь, – звук лился изнутри помимо воли.

И вдруг всё закончилось разом: наминающая грудь лапа исчезла, а сама я внезапно оказалась на полу, неплохо так приложившись об него губой. Даже не знаю, что именно происходило вокруг, ведь балансировала на грани обморока, как героиня романа, и едва могла соображать. Мелькали чьи-то силуэты, слышался мат и звон стекла, а я лежала на холодной поверхности плитки и размышляла, что надо бы провести воспитательную беседу с уборщицей о том, что она плохо выполняет свои обязанности.

– Лиса, ты как? – раздался откуда-то сверху встревоженный голос бывшего, а его тёплые ладони нежно легли на моё лицо.

Это было так приятно, словно перенеслась в прошлое, где мы были так счастливы.

– Я скучала... – пролепетала, не слишком понимая, что говорю, и, наконец, лишилась сознания.

Глава 6

– Елена Петровна, миленькая! – раздаётся откуда-то сверху кудачущий голос Верочки, а в нос ударяет едкий запах нашатыря.

Пытаюсь отодвинуться, но получается слабо, кто-то удерживает мою голову. Распахиваю глаза и едва сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть, – прямо надо мной склонился Алексей, и это именно его рука так привычно и удобно прихватывает мой затылок.

События, предшествовавшие моему позорному обмороку, разом встают в памяти яркими картинками, заставляя испуганно озираться вокруг. Удивительно, но в кабинете уже почти никого не осталось. А где подсудимые мои? Мне этих уродов надо ещё запихнуть в тюрьму, чтобы они там сгнили.

– Тише, Лиса... – шепчет бывший так, чтобы никто не услышал его обращения. – Всё в порядке, я же обещал, что тебя всегда смогу защитить! Губу ты несильно разбила, зашивать вроде не нужно.

Он аккуратно, но крепко берёт мой подбородок и заставляет повернуть голову к свету. От этого прикосновения внутри вдруг вспыхивает пожар, а сердце готово вот-вот проломить грудную клетку. Пальцы мужчины кажутся раскалёнными, они обжигают кожу, запускают под неё волны жара.

С трудом стряхиваю с себя это наваждение и надменно от-

страняюсь, глядя на бывшего с максимальной холодностью, надеясь погасить ей некстати вспыхнувшее между нами пламя. Пытаюсь представить себя айсбергом, визуализирую и делаю попытки вжиться в образ, так сказать.

– Что случилось? Где подсудимые? – произношу, стараясь контролировать подрагивающий голос.

– Ой, Елена Петровна, жаль, что вы не увидели, как Алексей Иванович этих разбойников победил. Этого рукой – раз, а затем того, как схватил, и он, как заорёт! – сумбурно верещит Верочка, приложив к груди ладони и глядя на моего бывшего, словно влюблённая кошка. – А с подсудимыми всё в порядке, их конвой в бокс отвёл, а тех в белых халатах в следственный отдел отвезли, допрашивать будут и дело возбуждать.

Надо же, мой бывший смог покорить сердце этой старой девы, ненавидящей мужиков!

Пытаюсь подняться с пола, на котором не слишком грациозно раскинулась в позе мёртвого опоссума. Да, видок у меня, наверное, тот ещё. Но перед глазами всё вновь плывёт, поэтому плюхаюсь обратно.

– Ой, давайте я вам скорую вызову! – предлагает секретарь, глядя на меня испуганно.

Но стоит вспомнить про людей в белых халатах, как тут же становится хуже. Алексей вновь берёт меня за подбородок и разворачивает к себе, заглядывает в глаза, а затем практически сунет в нос три пальца, помахивая перед лицом.

– Сколько пальцев показываю?

Хочется ответить какую-нибудь колкость, но прикусываю язык. Во-первых, этот упрямец не отстанет, пока не убедится, что со мной всё в порядке. А, во-вторых, до меня вдруг доходит, что он сейчас спас мою честь и, возможно, жизнь.

– Три... – бурчу недовольно, чувствуя себя теперь обязанной.

Чёрт, почему меня не мог спасти какой-нибудь другой мужчина, который не вызывает бурю эмоций в душе?

– Сотрясения вроде нет, но лучше провериться у врача. Давайте отвезу вас в больницу?

– Я не поеду ни в какую больницу. Надо ещё докладную написать о произошедшем, известить совет судей, дать показания... – перечисляю, понимая, что у меня банально нет ни физических, ни моральных сил на всю эту волокиту.

– Подождут! – решительно отрезает Алексей и вдруг я буквально взлетаю в воздух на его руках. – Вам необходим отдых!

Тело инстинктивно прижимается к мощной надёжной груди бывшего, прикладываюсь ухом, чтобы послушать, как размеренно бьётся его сердце, но сразу одёргиваю себя за эту слабость.

– Немедленно поставьте меня на ноги! Я – председатель суда! Что подумают люди, если увидят меня в объятиях сотрудника ОМОНа?!

На самом деле на людей плевать, куда больше меня пу-

гает то желание, которое внезапно вспыхивает от близости бывшего. Я ведь была уверена, что не испытаю подобного, — уже ведь не девочка, — но сейчас низ живота сводит горячей сладкой судорогой, которая никак не хочет уходить.

Наконец, я оказываюсь ногами на полу, но Алексей продолжает придерживать меня весьма целомудренно за локоть, мне же хочется, чтобы он обхватил меня за талию, скользнул ладонями ниже, задирая юбку...

Лена, стоп! Ты замужняя женщина, председатель суда, а не кошка в течке!

— Я доберусь на такси... — лепечу слабо, чувствуя, как пылают щёки.

— Нет! Я доставлю вас лично, это не обсуждается! — отрезает Алексей, увлекая меня за собой, словно взяв на буксир.

Спину прожигает взгляд Верочки, полный ревнивой зависти.

Глава 7

– Лиса, то, что ты сказала перед тем, как потерять сознание... – нарушает липкую тишину, царящую в машине Алексей.

– Забудь! – перебиваю его раздражённо, не отрывая взгляда от пейзажа, несущегося за окном. – Ты же видел, что я была не в себе!

Я-то надеялась, что бывший поведёт себя как истинный джентльмен до конца и не будет вспоминать фразу, так неосмотрительно слетевшую с языка в момент слабости.

– А мне кажется, что ты сейчас не в себе! – вдруг раздражённо и почти зло произносит он.

Поворачиваю голову и смотрю на него удивлённо. На волевом лице проступили желваки, губы упрямо сжаты, а в обычно спокойных глазах цвета морской волны, поднимается настоящий шторм. Меня сейчас накроет его девятым валом, и бог знает что будет потом. Я и так тону, находясь рядом с Лёшей, теряю опору под ногами, погружаюсь в пучину, из которой столько лет пыталась вынырнуть.

– Это ты к чему? – интересуюсь холодно, словно мне всё равно, скрываясь за привычной маской.

– К тому! – он жёстко обруливает еле плетущуюся впереди маршрутку. – Ты превратилась в робота, Лен, в бездушную машину, которая вроде говорит, ходит, что-то делает, даже

улыбаться умеет, но в ней нет жизни, нет души!

Эти слова впечатывают меня в пассажирское кресло, словно пропустила удар под дых. Перед глазами встаёт алая пелена, а руки сами собой сжимаются в кулаки. Да что он себе позволяет? Разговаривает со мной так, будто имеет право лезть ко мне в душу, словно знает, что там внутри происходит!

Но самое страшное, что он прав... Уже давно я перестала чувствовать себя живой. И от этого злюсь ещё сильнее на Алексея, ведь правда колет глаза.

– Останови машину! – шиплю зло.

Моими словами сейчас можно словно кислотой что угодно прожечь, но этому толстокожему, кажется, всё равно, даже бровью не ведёт.

– Ты меня вообще слышишь? – повышаю голос, надеясь на реакцию, но Алексей просто игнорирует мою зарождающуюся истерику.

– Я тогда на скорости выпрыгну! – привожу последний аргумент.

– Сомневаюсь... – наконец произносит он абсолютно спокойно. – Во-первых, ты всегда была умной и рассудительной, и вряд ли изменилась, поэтому точно не станешь делать такую глупость. Ну а, во-вторых, я заблокировал двери, так что реализовать бредовое начинание точно не выйдет.

Мне хочется заорать, но подавляю свой порыв и лишь недовольно пыхчу, словно паровоз, и скрещиваю руки на

груди в знак того, что нахожусь в крайней точке кипения.

– Ладно, прости Лиса, я не хотел тебя обидеть, просто...

Жду, что он скажет дальше, но лицо мужчины вдруг тоже становится похожим на маску, за которой не рассмотреть эмоций. Кажется, за эти годы мы научились профессионально прятать свои чувства, даже от самих себя.

– Приедем к твоему дому минут через двадцать! – произносит Алексей отрешённо. – Точно уверена, что тебе не надо в больницу?

– Я в порядке! – отвечаю в тон ему.

– Открой бардачок, там есть фляжка с коньяком и стратегический запас шоколада. Раз у тебя нет сотрясения, то немного алкоголя не повредит!

– Я похожа на женщину, которая будет хлебать коньяк из горла? – интересуюсь, изображая оскорблённое достоинство.

– Весьма! – вдруг выдаёт бывший и начинает смеяться.

От его смеха на душе внезапно становится так тепло и светло, словно кто-то маленькое солнышко зажёл и прогнал леденящую мглу. Губы невольно расплываются в улыбке, которую не могу сдержать. Ну что же, после произошедшего немного коньяка и впрямь будет лекарством от нервов. Послушно достаю флягу, отпиваю щедрый глоток, ощущая, как жидкость обжигает язык, а затем проваливается куда-то внутрь, делая моё солнышко ещё ярче и жарче.

Мне хорошо... Это неправильно и противоестественно.

Но ничего не могу поделать с собой. И вдруг до меня доходит, что даже не позвонила мужу, чтобы рассказать о случившемся. Эта мысль возвращает меня с небес на землю, а внутренний свет постепенно гаснет, пока не исчезает окончательно.

Хмуро вытаскиваю телефон и набираю мужу, избегая смотреть на Лёшу. Гудки следуют один за другим, но Вася, как всегда, не берёт трубку. Это уже стало традицией, поэтому общаемся в основном в мессенджере, ведь мы оба занятые люди.

Быстро постукивая ногтями по экрану, набираю длинное сообщение, рассказывая вкратце о произошедшем со мной, и отправляю послание. Сейчас как никогда мне нужна поддержка и внимание мужа. Возможно, когда узнает о том, что чуть не потерял меня, всё же отложит свои срочные дела и согласится махнуть в отпуск.

Ответ от супруга приходит почти сразу. Закусываю губу, чтобы не завить, когда пробегаю взглядом скупые слова.

Я занят, мне некогда читать эту простыню. Буду поздно, ужин с инвесторами, ложись спать, не жди меня.

Вот и всё... Ледяная игла пронзает сердце, обруч боли сдавливает грудь, не давая дышать, но я лишь делаю ещё глоток коньяка, напоминая себе о том, что всё проходит.

Глава 8

– Лиса, всё точно в порядке? На тебе лица нет! Ты во время нападения была не такая испуганная и несчастная, а сейчас будто упырь-кровосос укусил! – произносит Алексей, когда паркуемся возле моего дома.

Упырь-кровосос... Невольно ухмыляюсь и почему-то вспоминаю красавчика вампира из фильма Сумерки. Только вот у меня кровосос не столь юный и симпатичный. А ещё Васенька по совместительству нервосос и нервомотатель.

Наверное, нам с мужем пора поговорить, ведь так не может больше продолжаться. Мы уже давно превратились не в семейную пару, а в соседей, живущих в коммуналке, из которой никто не может и не желает съезжать. Общих интересов у нас так и не появилось, да и детей, которые могли бы склеить трещащий по швам брак, не родилось. Сперва Вася был слишком занят, убеждал меня, что нужно встать на ноги. А когда мы достигли материального достатка, мой организм, измученный постоянными стрессами на работе, заявил, что я – хороший профессионал, а вот женщина никудышная и бесплодная.

– Всё отлично! – произношу настолько сухо, что горло начинает у самой драть.

С сожалением смотрю на фляжку коньяка, которая так и манит, предлагает мне напиться и наконец-то расслабиться.

ся, отпустить вожжи и стремяна, которыми удерживаю судьбу-скакуна. Хочется сотворить какую-нибудь глупость, чтобы почувствовать себя живой. Например, поцеловать бывшего, который спас меня из лап подонков.

В голове всё путается, мысли устроили чехарду, носятся словно сумасшедшие. А не потому ли я желаю разобраться с Васей, с которым уже давно вполне комфортно сосуществую, что в моей жизни вдруг нарисовался бывший так, что хрен сотрёшь. Эмоции, давно впавшие в бессрочную спячку, сейчас разгулялись словно у девочки-подростка, которую кроет от гормонов.

– Спасибо... – шепчу с чувством, стараясь не смотреть на Лёшу, ведь соблазн слишком велик, меня тянет к нему магнитом.

Нет, больше не позволю себе погрузиться в ту пучину, которая чуть не погубила меня однажды, из которой выныривала, перелаывая себя и собирая вновь по осколкам.

– Мне пора! Открой двери!

Лёша барабанит пальцами по рулю и кривится, словно съел лимон целиком. Кажется, вот-вот что-то скажет, попробует остановить, но тяжело вздыхает и прокашливается, словно подавившись несказанными словами.

Машина тихонько пиликает, намекая, что путь к отступлению свободен и пора делать ноги, пока не сотворила того, о чём потом непременно пожалею. Рука бывшего вдруг вцепляется в моё предплечье, отчаянно, жадно, обжигающе,

до боли и синяков. Этот жест красноречивее любых слов.

– Не надо, Лёш, прошу...

Он дёргается, словно от удара, смотрит так, что внутри всё взрывается от боли и нежности, страха и желания. Слишком много, слишком остро, слишком... нельзя!

Сама не помню, как выпрыгиваю из машины. Чуть не рухнув на асфальт, и по приборам несусь к спасительной двери подъезда. Лишь попав внутрь безопасного прохладного холла, чуть прихожу в себя.

– Еленочка Петровна, вы что-то рано! – елеинным голоском начинает консьержка, глупо хихикая.

Странно, что вдруг случилось с этой старой жабой, которая ненавидит меня, но зато пускает слюни на Васю и всячески старается заслужить его скупую похвалу.

– Здравствуйте! Плохо себя чувствую, отпросилась пораньше! – отвечаю холодно.

Кажется, женщину так и разбирает рассказать мне что-то, но ускоряю шаг, не желая выслушивать очередную историю старой сплетницы. Больше всего сейчас хочется принять душ, выпить обезболивающее и упасть в постель.

Открываю дверь квартиры, ощущая смутное беспокойство. Что-то здесь не так... Приторный запах женского парфюма, странные шуршащие звуки возни из спальни комнаты. Сегодня уже раз стала жертвой нападения, неужели бомба дважды падает в одну воронку?

Схватив весьма увесистую бронзовую статуэтку в виде

Фемиды и удерживая её словно оружие, отправляюсь к источнику звука. Богиня правосудия падает на пол со звонким «блямс», который наполняет окружающее пространство и черепную коробку.

— Бляя-я-я-я... — тяну под нос в унисон с этим звуком. Я противница ненормативной лексики, но сейчас она как никогда кстати.

Кажется, прилечь на любимое семейное ложе сейчас не выйдет, ведь оно занято... Разве что устроиться третьей с ненаглядным Васенькой и молоденькой девицей, вульгарно кряхтящей в его объятиях.

Глава 9

– Васенька, а ты точно ничего не попутал? Например, берега? – интересуюсь ласково у мужа, который сжимает в объятиях молоденькую размалёванную пигалицу, годящуюся ему в дочери.

Парочка, наконец, замечает моё скромное присутствие. Девчонка тихонько взвизгивает и тянет мою любимую подушку с шёлковой наволочкой, прикрывая ядрёное молодое тело. Девчонка прям кровь с молоком, сиськи по пуду, нос картошечкой, хотя Васенька уверял, что не любит подобных простушек.

– Какого чёрта ты припёрлась? Ты же должна быть на работе? – рявкает супруг, словно я ещё в чём-то виновата.

Не такого приёма я ожидала. Надеялась, что хотя бы попробует соврать как остальные, мол, милая, это совсем не то, что ты подумала, девочка ошиблась дверью и как-то случайно упала на мой член!

– Ну, вообще-то, на меня напали прямо в суде и пытались взять в заложники. Ты бы знал об этом, если хотя бы изволил прочесть сообщение, которое тебе отправила. Я вот надеялась, что найду дома утешение. Но ты уже утешаешь эту юную прелестницу. У неё что случилось? Молочный зуб выпал? Двойку по физкультуре вlepили?

– Мне уже двадцать! – пищит пигалица. – Вы просто за-

видуете моей молодости и свежести! Вы ведь старая.

А девчонка, кажется, себя бессмертной вообразила, – не понимает, что взрослым тётенькам нельзя грубить. Эта самая тётенька сейчас готова как следует навалить, но свято чтит Уголовный кодекс, поэтому держит себя в руках из последних сил.

– Свежести? Судя по вашему вульгарному внешнему виду, вы уже товаром с душком! А теперь пошли вон из моего дома! Оба!

Вася ухмыляется недобро.

– Лен, ты же судья, так что знаешь, это наш общий дом. И я никуда уходить не собираюсь! Более того, Карина будет жить с нами, ведь она беременна. Я не хочу, чтобы мать моего наследника ютилась в обшарпанном общежитии училища.

– Колледжа! – гордо пищит соплячка с таким видом, будто сообщает, что в МГИМО учится.

– Беременна? – переспрашиваю, задыхаясь.

Эта новость, словно удар под дых. Перед глазами всё темнеет, но заставляю себя устоять, приваливаюсь к косяку и просто считаю удары сердца, стараясь успокоиться.

– Да, я подарю Васеньки ребёнка, ведь вы не смогли! Вы старая и бесплодная!

На место мутному тёмному туману перед глазами приходит алая пелена. Меня наполняет злостью, физически ощущаю, как она поднимается от ног, двигаясь всё выше, а затем ударяет в голову. Не понимая, что делаю, подлетаю к пига-

лице, которая вдруг испуганно вскрикивает и зажимуривается. Статуэтка в моей руке кажется раскалённой.

Боже, я ведь только что чуть не огрела любовницу мужа по голове! Так, Лена, это же убийство в состоянии аффекта, статья сто седьмая! Вплоть до лишения свободы на срок до трёх лет. Неужели ты хочешь потерять свободу, самоуважение и спокойную совесть из-за этих сволочей?

Мне хочется разреваться, но не позволю показать своей слабости, тем более мудаку-муженьку и его любовнице-соплячке. Поэтому лишь гордо поднимаю голову и окидываю их ледяным взглядом, под которым оба съёживаются.

– Ну что, Васенька, и вы, уважаемая! Можете оставаться здесь, только учтите, отсюда я отправляюсь сразу к адвокату, а затем подаю на развод. Имущество будем делить. И ты прав, милый, я судья, поэтому как думаешь, кто из нас после развода останется с голой жопой и с дулей в кармане? Уж точно не я!

Супруг бледнеет и разом стареет на десяток лет: под глазами отчётливее проступает сеть морщин, а сосуды на мясистом носу становятся ярко-бордовыми. Не хватил бы инфаркт на старости лет, моего игривого козлика.

– Ты не посмеешь! – хрипит он, и впрямь хватаясь за сердце. – Ты же говорила, что никогда не воспользуешься служебным положением, хоть я тебя и просил помочь моим знакомым.

– А вот теперь воспользуюсь, и с превеликим удоволь-

ствием. Кстати, даже не пробуй продать или иным образом отчуждать наше имущество, за мошенничество привлеку, усёк?

Васенька хватает ртом воздух, словно карась на берегу.

– Карина, валидол в аптечке. Кстати, мазь от геморроя и виагра там же. Всего наилучшего!

Гордо направляюсь к выходу, понимая, что даже не хочу забирать сейчас какие-то вещи. Все документы у меня в сумке, карточка с деньгами там же. А наличка и свидетельства на имущество в моей банковской ячейке.

Ну что же, уважаемые, не я начала эту войну!

Глава 10

Едва выхожу за дверь, как вся решимость и боевой настрой разом исчезают. Медленно сползаю спиной по стене и прячу лицо в ладонях.

Вася, мой муж, человек, которого уважала, с которым уверенно шла рука об руку, предал меня, изменил, да ещё с кем, – с наглой соплячкой! Да, пусть в наших с Васей отношениях не было страсти и феерии чувств, но мы хорошо понимали друг друга и всегда были готовы поддержать.

Боль и обида разъедают изнутри. Чувствую себя словно выжатый, а затем ещё и пропущенный через мясорубку лимон. Слишком много событий для одного дня.

Как назло, и телефон не замолкает ни на секунду, словно всех прорвало. Нет, уважаемые, у меня совершенно нет сил, чтобы ещё на вопросы отвечать!

На пошатывающихся ногах спускаюсь по лестнице, не желая сейчас залезать в тесную коробку лифта, – недолюбливаю закрытые пространства, а на сегодня мне не нужны новые потрясения, ведь нервная система и так висит на волоске.

– Еленочка Петровна, вы уже уходите? Так быстро? – елеинно интересуется вахтёрша в фойе, улыбаясь победоносно.

Конечно, эта гримза знала, что мой муженёк сейчас дома

не один. Интересно, на что рассчитывает эта тётка? Что Вася поведётся на её неумелый топорный флирт, как только мы с ним разведёмся? Да, особым умом здесь и не пахнет тогда.

Или она просто ненавидит меня за то, что мы, будучи почти ровесницами, выглядим и живём совершенно по-разному? Ну так я не ем пирожки на ночь, не добавляю в чай шесть ложек сахара, не смотрю мыльные оперы и постановочные ток-шоу, а работаю, как проклятая, – и над собой, и над своей жизнью, и на судейском поприще.

– Мария, спасибо вам за добросовестную работу и ответственность! – произношу холодно. – Я переезжаю и хотела попрощаться.

– Ой, что случилось? – интересуется женщина с притворным волнением, но сама светится, словно начищенный самовар.

– Ничего особенного. Боюсь только, что в ближайшее время вас уволят. Я единственная в нашем подъезде настаивала на консьерже и платила вам из своего кармана. Кстати, не рекомендовала бы вам флиртовать с моим бывшим благоверным в присутствии его новой пассии. Она – не я, может и в волосы вцепиться. Всего доброго!

Выхожу из тёмного подъезда и захлопываю дверь, щурясь от яркого солнца. Очень символично: можно сказать, что вышла из тьмы к свету и новой жизни. Интересно, что ждёт меня в ней? Надеюсь, хоть что-то приятное.

Новый приступ головокружения накатывает волной полу-

обморочной слабости. Нужно срочно вызвать такси и ехать в ближайшую приличную гостиницу. Об остальном подумаю потом, желательно, завтра, как завещала героиня «Унесённые ветром».

Но тут огромный мощный мужской силуэт вдруг заслоняет солнце и наполняет разом весь мир непроглядным мраком, нависая надо мной угрожающе. Сильные пальцы крепко обхватывают моё предплечье.

На секунду мне кажется, что я так и осталась в зале судебных заседаний, в лапах здоровяка в белом халате, а всё произошедшее после просто привиделось мне, когда потеряла сознание. Нет, только не это!

– А-а-а-а-а! – пробую закричать как можно громче, но получается хриловатый писк курящей мыши.

Сильная ладонь накрывает мой рот, обрывая звук. Да сколько же можно? Сговорились все? Со всей силы впиваюсь зубами в руку неизвестного, стискивая челюсти, словно бульдог, – есть подозрение, что разжать из уже не сумею.

– Лиса, ты с ума сошла, что ли? – басит надо мной голос бывшего.

От неожиданности всё же разжимаю зубы и прикладываю ладонь к глазам козырьком, стараясь рассмотреть кто же тот человек, который для меня пока является лишь пугающим силуэтом. В этот момент яркое солнце заходит за тучу, и я вижу перед собой Алексея, сосредоточенно рассматривающего место укуса.

– Что ты здесь делаешь? – взвизгиваю я, ударяя кулачками по его мощной каменной груди. – Я чуть от страха не умерла. У меня сердце едва не остановилось!

– Кажется, придётся уколы от бешенства делать. Лиса, говори, ты ведь точно бешеная, раз на людей так кидаешься. Вообще-то, ты обещала позвонить и сказать, что всё хорошо, мол, дошла до квартиры и завалилась в кровать, при этом тебя не тошнит, голова не раскалывается и не кружится. Я хочу быть уверен, что с тобой всё в порядке! Начал тебе названивать, а ты трубку не берёшь, вот что я должен был подумать?

Лёша сурово сводит брови и смотрит на меня словно на непосlušную девочку, кажется, сейчас пальцем погрозит. Опускаю лицо и вдруг горько всхлипываю, хотя казалось, что держу себя в руках, но моя оборона рушится к чертям.

– Лёш, я не хотела тебя пугать, извини... Отвези меня в гостиницу, умоляю, я уже еле на ногах стою!

Я не привыкла просить о помощи, поэтому каждое слово буквально вытаскиваю из себя клещами.

Пальцы мужчины ложатся на мой подбородок, заставляя поднять лицо, которое спрятала в волосах. Встревоженный взгляд, полный искреннего чувства, обволакивает и гипнотизирует.

– Рассказывай, что случилось! – властно и требовательно произносит бывший.

Сейчас у меня не осталось сил, чтобы спорить, указывать,

что это не его дело. Да и внезапно ощущаю, что мне нужно выплеснуть боль и обиду, которые буквально рвут изнутри. Возможно, если проговорить эти эмоции, то они станут слабее и хотя бы смогу вновь ровно дышать.

– Мне изменил муж... Я застукала его с молодой любовницей!

Глава 11

Какое-то дежавю... Я вновь в машине Алексея, который снова фактически спасает меня. Казалось бы, могла и сама вызвать такси и доехать до любой гостиницы, но мысль, что нужно вновь контактировать с людьми, принимать решения, разговаривать, выяснять. Бр-р-р-р-р. Не могу, у меня села батарейка. Поэтому сейчас поступаю вдруг как настоящая девочка, забираюсь на ручки к сильному, надёжному мужчине и облегчённо выдыхаю.

Невольно вспоминается какая-то молодёжная песня, играющая у соседей во время студенческих посиделок о том, что все сучки хотят на ручки. Ну если следовать немудрёному тексту, то сейчас я как раз эта самая сучка. Раньше не понимала, как можно сложить с себя ответственность и довериться мужчине. А ответ оказался прост: у меня просто должны были закончиться силы. В этот момент немного завидую женщинам, которые могут позволить себе слабость, даже находясь в ресурсе.

За окнами вдруг начинает мелькать незнакомый пейзаж, кажется, мы уже выехали из города, – вокруг лишь яркие поля, золотящиеся в лучах закатного солнца, перелески да рощицы.

– Куда ты меня везёшь? – спрашиваю бывшего настороженно и отрывисто. – Мне нужно в гостиницу!

– Лена, ты действительно думаешь, что я позволю тебе остаться одной в таком состоянии. Да на тебя смотреть больно, и краше в гроб кладут! – безапелляционно отрезает мужчина с плохо скрываемой тревогой в голосе.

Да, Лёша тот ещё мастер комплиментов. Режет правду-матку, не всегда задумываясь, как окружающие воспримут его слова. Но я-то знала, что за этой фразой скрывается беспокойство и желание помочь.

– Что, неужели так плохо выгляжу? – интересуюсь лукаво.

Чёрт, Лена, ты чего творишь? Не вздумай флиртовать! Только что застучала мужа с молодой любовницей и теперь страстно желаешь поднять свою самооценку, привлекая внимание. Но на самом деле я понимала, что дело не только в этом. Меня тянуло к Алексею так, что едва удерживалась, чтобы не положить голову на его крепкое мускулистое плечо.

– Лиса, ты сама знаешь, что выглядишь превосходно в любой ситуации. А везу я тебя в дом родителей, сейчас там летом обитает сестра, да я наведываюсь на выходные. Помнишь, как мы там жили неделю, когда они уехали в отпуск?

Конечно, помню, ведь это была лучшая неделя в моей жизни, наполненная безмятежным счастьем первой любви, солнечными лучами и ароматом луговых цветов, букет которых каждое утро обнаруживала у себя возле кровати. Пожалуй, ни разу с тех пор не была счастлива по-настоящему.

– У меня много дел! Я не могу ехать за город, где даже сеть толком не ловит! – сопротивляюсь из последних сил.

– Так, больная, вам выписан отдых и свежий воздух в добровольно-принудительном порядке, это не обсуждается. Тем более, сегодня вечер пятницы, а впереди законные выходные, так что все дела откладываются до понедельника! Если нужно, сестрёнка тебе выпишет больничный, она у меня теперь врач, причём очень хороший. Я же всё равно хотел показать тебя доктору, так что совместим приятное с полезным.

Алексей прав по всем фронтам, пытаюсь найти аргумент, чтобы возразить, но внезапно осознаю, что мне действительно необходимы пара дней покоя и тишины. С этой мыслью задрёмываю, проваливаясь в сон, словно занырявая в тёплый, густой кисель.

Чуть прихожу в себя от оглушительного пения птиц, и странного ощущения парения по воздуху. Невольно вздрагиваю всем телом и открываю глаза, обнаруживая себя на руках Алексея, которые крепко, но удивительно аккуратно для его комплекции прижимает меня к себе, словно фарфоровую вазу.

– Отпусти меня! – шиплю недовольно, злясь в первую очередь на себя, что так расслабилась, а сейчас и вовсе кайфую в объятиях бывшего.

– Мы уже на месте!

Лёша бережно ставит меня на ноги, и я оглядываюсь по сторонам. Здесь почти не изменилось, всё примерно так же, как и много лет назад. Сладкая горечь или горькая сладость

заполняют душу, в памяти всплывают яркие и отчётливые картинки. Вот здесь мы с Лёшей качаемся в гамаке, переплетая пальцы рук, и я читаю нам вслух. А тут мы жарим мясо, которое, естественно, сгорает, когда сливаемся в поцелуе, а затем занимаемся безудержным искрящим сексом прямо на покрывале среди грядок с зеленью.

На крыльцо деревянного сруба вылетает молодая коротко стриженная женщина, вспугивая стайку воспоминаний.

– Лёша, у нас гости?! – радостно произносит она. – Хоть бы предупредил.

Взгляд ярко-голубых глаз, таких же, как у бывшего, скользит по мне заинтересованно, а потом вдруг вспыхивает узнаванием, на место которому приходит непонятная злость.

– Лена? – произносит незнакомка ошеломлённо. – Братец, это как понимать? Вы опять вместе? Старая любовь не ржавеет. Ты же мне клялся, что больше никогда...

– Замолчи, Влада! – рывкает бывший так, что невольно подскакиваю на месте.

– Влада? – переспрашиваю ошарашенно.

Неужели младшая сестрёнка Алексея, худенькая, нескладная и застенчивая девушка, превратилась в такую красавицу. Но почему она так реагирует на моё появление? Ведь когда-то она ходила за мной хвостиком с немим восхищением в глазах, а теперь готова с лестницы спустить.

– Не замолчу! – упрямо режет женщина, сводя брови, становясь сейчас просто копией старшего брата. – Я уже раз вы-

таскивала тебя после того, как эта стерва тебя бросила. Не помнишь, как по всем горячим точкам тогда мотался, словно хотел на пулю нарваться. Ну уж нет, ты у меня единственный родственник остался. Не позволю ещё раз сломать тебе жизнь.

В этот момент внезапно понимаю, какую боль причинила Лёше, уйдя от него много лет назад, надеясь, что так будет лучше обоим.

Глава 12

– Лёша... – шепчу чуть слышно, сбитая с ног этой внезапной правдой, о которой не знала.

– Хероша! – тут же рифмует сестра бывшего. – Если обещаешь, что вновь не станешь влезать в душу моему брату, то можешь заходить. У меня есть примочка, как раз поможет от твоих фингалов. Ты же, Лена, вроде стала судьёй, а чего вид такой, словно тебя только что у обочины подобрали, где подрабатываешь путаной для дальнобойщиков.

Со мной никогда никто так не разговаривал, даже теряюсь от подобного тона и тут же подготавливаю достойный ответ этой нахалке, но Влада вдруг радушно усмехается и делает гостеприимный жест, зазывая войти в дом, а затем скрывается внутри.

– Это что было? – интересуюсь ошарашенно, жалея, что согласилась на приглашение бывшего.

Алексей кривится, словно от зубной боли, слышу, как он прохрустывает суставы, словно боец перед схваткой.

– Пойдём, тебе нужна помощь специалиста... – словно мантру повторяет мужчина.

Когда оказываемся на кухне, с которой тянет ароматом свежей выпечки, невольно замираю на месте, – Влада, насвистывающая под нос популярную мелодию достаёт из духовки румяный пирог, свет верхней лампы играет на блестящих по-

верхностях, но при этом тонет в объятиях кружевных занавесок и скатертей. Светлая просторная кухня наполнена теплом и уютом, которые укутывают, едваходишь внутрь. Это идеальный дом, который так и не смогла себе воплотить...

– Налетайте! Как чувствовала, что гости будут! Но сперва мыть руки! – продолжает командовать Влада.

Вновь хочу ответить что-то дерзкое, хлёткое, но Лёша хватается меня за руку и тащит в ванную. Краем глаза замечаю, как он показывает кулак острой на язык сестре.

В ванной комнате чуть расслабляюсь, подставляя руки под тёплые струи. Для меня вода всегда была лучшим способом очистить не только тело, но и душу. Васенька частенько упрекал меня в том, что торчу о часу в душевой кабине, ведь это расточительство, тратить столько горячей воды. Будто он платил за неё из своего кармана...

Алексей стоит позади меня всего в нескольких сантиметрах. Это одновременно так близко и так далеко, между нами словно прозрачная стена, сквозь которую не пробиться. Наши взгляды встречаются в зеркале и комната будто начинает дрожать и вибрировать, а преграда между нами рушится в один миг.

Мужчина резко разворачивает меня к себе и впивается в губы жадным поцелуем-укусом. Отвечаю ему отчаянно и жарко. Я уже забыла, что можно целоваться вот так, – до головокружения, до дрожи в коленях, до искр перед глазами.

– Ну вы тут ещё потрахайтесь! – раздаётся от двери недо-

вольный голос Влады, стоящей в проёме в нарядном блестящем платье. – Лёш, иди наливавай чай, на меня не надо, у меня сегодня свиданье, в ресторане похочу, а я пока больную осматриваю! Если что усну, чтоб не мучилась!

– Влада, блин! Уймись! Пока уши тебе не натрепал! – бурчит бывший, метая на сестрёнку грозные взгляды.

– Не бойся, не сожру её. Иди хозяйничай на кухне. Разрешаю взять свою настойку на смородине, она уже вроде готова, только всю не выпивайте, мне хоть оставьте на пробу.

Мужчина уходит, бросив на меня сочувствующий взгляд. Влада неспешно достаёт из шкафчика вату и какие-то пузырьки, не глядя на меня.

– А ты чего такой сукой стала? – не выдерживаю я.

Женщина горько усмехается.

– Мой бывший муж такой сделал... Лен, слушай, я против тебя ничего не имею! – начинает она, тяжело дыша, словно сейчас не говорит, а тащит в гору неподъёмный камень. – Но я больше не хочу собирать Лёху по кусочкам. Мне надоела ждать приедет ли он из очередной горячей точки сам или прибудет в цинковом гробе. После того, как ты ушла, ему словно отключили инстинкт самосохранения.

Мощь от боли, когда Влада прикладывает ватку с какой-то ведьминой смесью.

– Короче, сотрясения у тебя точно нет, но судя по виду, ты затрахана жизнью по самые гланды! Отдохни, Лен! Но не вздумай лезть в жизнь моего брата. Всё, поешьте, и в люлю,

желательно отдельно! Меня сегодня дома не будет, некому будет проконтролировать, но я надеюсь, что ты меня услышала!

Влада исчезает так же неожиданно, как и появилась, оставляя меня в недоумении и наедине с гложущим чувством вины. Смотрю в зеркало и вижу растерянную девушку, вместо той сильной и уверенной женщины, которой являлась до этой поры. Мой компас хреначит стрелку по кругу, забыв где север.

Выхожу на кухню, мечтая о куске пирога и кружку чая, которые манят ароматами, сбивая с ног и вызывая эффект собачки Павлова. Мой сельдерей и протеин нервно курят в сторонке, обнявшись. Сейчас я готова сожрать тушу слона без предварительной термической обработки.

– Лёш... я лучше пойду спать, покажи, где мне лечь! – уверенно произношу, дабы избежать соблазна полуночного пирога.

– Пойдём, покажу тебе место, хотя ты и так, наверное, помнишь ту уютную кровать, в которой отлично ютились вместе.

Воспоминания пронзают меня раскалённой иглой, ведь помню, что происходило в этом отдельно взятом койко-месте.

Кажется, что даже эти многоступенчатые подушки остались с тех пор. Бросаю сумку рядом с царским ложем и запрыгиваю на него, чувствуя, как напряжённое тело стонет от

удовольствия, хрустя суставами и наслаждаясь минутами покоя.

– Доброй ночи, Лиса... – шепчет Лёша, балансируя на самом краю кровати, словно ожидая моего решения, но я не в силах его принять.

– Доброй ночи... – произношу в ответ, захлёбываясь от эмоций.

Глава 13

Я чувствую каждой клеточкой желание прикоснуться к Лёше, ощутить жар его сильного, мускулистого тела, ощутить тот трепет, который вызывали его одновременно властные и нежные ласки. Мне казалось, что уже не испытаю подобного, ведь либидо с возрастом стало сходить на нет, но сейчас меня потряхивало от желания, – даже руки дрожали.

– Лиса... – произносит тихо Лёша, но тут же замолкает, а затем и вовсе вскакивает с места.

Вне его поля энергетики, оказывается, вдруг холодно и неудобно, теперь желание прижаться к бывшему становится просто неконтролируемым.

– Не уходи! – прошу чуть слышно, сама боясь этих слов.

Мы оба знаем, что сейчас может случиться, и боимся этого. То, что случилось между нами в прошлом, было так ярко, остро, глубоко. А сейчас слишком многое происходит вокруг, чтобы позволить себе стать уязвимой и потерять голову. Развод, уголовное дело, которое должна завершить, грядущий раздел имущества... Я обязана сконцентрироваться на этом, быть собранной, а не летать в облаках.

Но здесь и сейчас мне необходимо обнять Лёшу, он нужен мне как воздух, без него вот-вот задохнусь, исчезну, перестану существовать.

Я вспоминаю то невыносимое чувство, которое съедало

меня всякий раз, когда бывший отправлялся в командировки в горячие точки, когда каждую секунду боялась, что мне позвонят и скажут, что его нет, когда будучи не особо верующей, вдруг зачастила в церковь, когда знала, что если оборвётся жизнь возлюбленного, то умру вместе с ним.

Наверное, другая бы поставила своего мужчину перед выбором: или я, или участие в военных операциях. Но только вот Алексей был слишком мужчиной, чтобы заставлять его делать подобный выбор. Это было бы всё равно, что лишить его части самого себя, как отрезать крылья птице, созданной для полёта... И тогда я ушла, понимая, что иначе сойду с ума.

– О чём ты думаешь? – спрашивает Лёша, подходя ближе.

Его яркие голубые глаза светятся в полумраке комнаты, словно драгоценные камни. Не в силах отвести взгляда от его волевого лица, мощных плеч, потрясающе красивых кистей, которые знали каждый миллиметр моего тела.

– О том, что если подойдёшь ещё ближе, то просто сойду с ума. И если не подойдёшь – тоже!

Бывший усмехается, но как-то горько, почти печально.

– Значит, альтернативы нет...

В следующий миг тяжёлое тело мужчины вдруг оказывается надо мной, вжимая меня в кровать так, что не могу пошевелиться. Время разговоров и сомнений истекло. Наш поцелуй, глубокий, страстный, жадный окончательно лишает меня способности соображать. Внутренний голос ещё пыта-

ется предупредить, что это опасно, но я уже нырнула в этот водоворот.

Запускаю пальцы в волосы мужчины, подаюсь ему навстречу, трусь грудью и тазом. Чёртова одежда приводит меня в бешенство, — я хочу ощущать Алексея целиком, без этой преграды. Словно прочитав мои мысли, мужчина стягивает с себя футболку и невольно зависаю на его шикарное рельефное тело, обнаруживая на нём новые шрамы.

Нежно целую след от пореза на левой груди, пробегаюсь пальцами по рубцам на плече, ужасаясь от того, что каждое это ранение могло убить мужчину. Ведь Влада сказала, что он сам искал смерти после моего ухода. Слёзы наворачиваются на глаза.

— Мой хороший... — шепчу, покрывая дробными поцелуями тело Алексея, задыхаясь от восторга, нежности и страха, что могла его потерять.

Мужчина дёргается, словно эти поцелуи его обжигают, но я не останавливаюсь. Наконец, он переваливается на спину и тянет меня за собой, закидывая вверх. В голове чуть плывёт от такой передислокации, зато теперь могу избавиться от одежды. Негнушимися пальцами пытаюсь совладать с пуговицами блузки, но они не подчиняются. Резким движением Алексей разрывает на мне одежду так, что пуговицы фейерверком разлетаются во все стороны. Крепкие ладони ложатся на мою грудь, сжимая её сквозь невесомое кружево лифчика. Мне с трудом удаётся сдержать стон, но когда пальцы

сжимают затвердевшие соски, прокатывают их, вскрикивая от острого забытого удовольствия.

Навязчивая трель мобильного чуть сбивает с настроя, тянусь за проклятым аппаратом, чтобы выключить его ко всем чертям. Странно, но на экране вызов от знакомого сотрудника ФСБ. С чего бы ему звонить мне в пятницу в столь позднее время. Плохое предчувствие накатывает горячей волной дурноты. Неужели этот сумасшедший день хочет проверить меня на прочность?

– Елена Петровна, здравствуйте! – произносит сдержанный, чуть усталый голос в трубке, стоит мне принять вызов. – Простите, что беспокою, но дело не терпит отлагательств. Приезжайте в ФСБ, я вас жду.

– Что случилось? – спрашиваю с тревогой.

– В отношении вас возбуждено уголовное дело о получении взятки. Ваш муж уже даёт показания и хочет заключить соглашение о досудебном сотрудничестве. Я бы порекомендовал вам сделать то же самое. Надеюсь, вы понимаете, что вам не стоит сейчас предпринимать попыток к бегству?

Меня парализует от ужаса.

– Буду у вас через полтора часа... – шепчу на автомате и нажимаю отбой.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.